

ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Литература как особая сфера творчества выделилась в русской письменности далеко не сразу. Отдельные элементы литературного художественного творчества обнаруживаются в деловой письменности задолго до того, как появились на русской почве первые переводы греческих литературных и церковных произведений.

Литература на первых порах ее развития тесно примыкает к деловой письменности — по преимуществу к тем ее формам, которые обслуживают господствующий класс населения.

Это имело очень серьезное значение во всем последующем развитии древней русской литературы. Тем более, что элементы литературные, художественные и не литературные, «деловые», не были в древнерусских литературных произведениях достаточно дифференцированы. Летопись для древнерусского читателя была прежде всего собранием свидетельств о прошлом, историей родины. Только в XVI в. она приобретает в сознании читателя значение художественного рассказа о прошлом (такова, например, «красная» и «сладкая» «История о Казанском царстве»). Связь с «деловой» письменностью отчетливо видна в «Поучении» Владимира Мономаха, обладающем рядом признаков, сближающих его с «духовными грамотами». Ряд воинских повестей, повестей о княжеских преступлениях также носили первоначально «деловой» характер. Они заключали в себе порой высокие образцы художественности, но художественность эта не осознавалась писателями и читателями как главная цель произведения. Впоследствии практические, а не литературные цели имели «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, Стоглав, Домострой, челобитные Пересветова и др., ныне включаемые в общие курсы истории литературы.

Нет поэтому никаких оснований закрывать глаза на некоторые элементы художественности в договорах русских с греками:

или в Русской Правде, в частности в ее древнейшей части, восходящей, повидимому, к VIII в.¹ В начальной и заключительной части договоров явственно ощущается их связь с русскими заговорными формулами (ср. начало и конец договора 944 г., заключительную часть договора 971 г.). Вместе с тем, к какому бы времени мы ни относили дошедшие до нас тексты обеих редакций Русской Правды, совершенно ясно, что самый тип письменности, представленный этим памятником, глубоко архаичен. Особенно это касается древнейшей части Русской Правды. Русская Правда наряду с договорами отнюдь не является произведением художественной литературы. Однако в Русской Правде есть те элементы, из которых эта художественность слагалась и без которых она была немыслима. И с этой стороны Русская Правда имеет глубокий интерес для историков литературы. Она помогает нам понять быстрый расцвет художественной литературы в XI в.

Русская Правда сжатым и точным языком определяет нормы древнейшего русского феодального права. Излагая эти нормы, Русская Правда входит в самые недра социальной жизни своего времени, устанавливает типичные правонарушения, рисует наиболее распространенные случаи и тем самым вводит нас в бытовую обстановку X—XII вв.

Бытовые черты и отдельные житейские положения, воссозданные в их наиболее общей форме, насыщают статьи Русской Правды — в равной степени и в ее древнейшей части, и в ее сравнительно более новой. Так, например, статья 17 Краткой Правды рисует сложную жизненную ситуацию: холоп ударил свободного мужа и убежал в хоромы своего господина, а тот отказывается его выдать. Не менее сложную ситуацию отражает и статья 38 Краткой Правды: вора поймали ночью на месте преступления на дворе у клети или у хлева; его связали, и есть свидетели, видевшие его связанным, а после убили. А вот и другая картина, изображенная в статье 21 той же Краткой Правды: «разбойники» забрались на самый княжеский двор, в усадьбу и там убили огнищанина у коня, быка или коровы; в этом случае Краткая Правда разрешает убить «разбойников» «в пса место».

Некоторые из статей Пространной Правды поражают нас сложностью предположенных в них жизненных положений: здесь и господин, разыскивающий своего холопа в чужом городе (статья 114 Пространной Правды), и владелец, разыскивающий

¹ Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М., 1945, стр. 41.

свои вещи или вора. Сложное положение рисует статья 54 Пространной Правды. Купец отправился торговать, взяв чужой товар или деньги, и случилось ему по пути несчастье — товар потонул, сгорел или был отнят неприятелем. Здесь же и другой случай с тем же купцом: купец погубил вверенный ему товар по собственному безумию — пропил его, промотал или испортил по глупости. Как быть в каждом из этих случаев?

Еще более сложное положение рисует статья 55 Пространной Правды. Купец приехал из иного города или чужой земли и отдал свой товар в долг (очевидно для розничной торговли) купцу, который, как оказалось, был уже многим должен. Спустя некоторое время приезжий стал требовать свой товар назад, а местный купец не смог ни возвратить его, ни заплатить за него деньгами.

Сложные жизненные ситуации рисуют очень и очень многие статьи Пространной Правды (29, 30, 31, 114 и мн. др.).

Русская Правда выделяет в жизни наиболее общие случаи, абстрагирует их от всяких деталей, связывающих этот случай с той или иной местностью, с тем или иным лицом. Статьи Русской Правды могли быть в равной мере применимы в Новгороде, в Киеве, в Чернигове или в Полоцке. Это не право того или иного города, той или иной области. Однако, рисуя бытовые ситуации в такой абстрактной, отвлеченной от всяких деталей форме, Русская Правда с большим для своего времени искусством умела воссоздать реальность этих ситуаций, их возможность и их «юридическую» типичность.

В некоторых случаях Русская Правда не только описывает ситуацию, но как бы и разыгрывает ее в лицах, оживляя действие прямой речью. В древнейшей части Краткой Правды, в статье 14, показано, как следует действовать и говорить владельцу, опознавшему похищенную у него вещь. Владелец не должен пытаться отобрать ее и не должен говорить «мое», но должен сказать так: «Пойди на свод, где еси взял». В лицах же рисует розыски челядина и статья 16 Краткой Правды. Если господин узнает своего пропавшего челядина и захочет его отнять, то ответчик должен его повести к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведет к следующему, и когда дойдут до третьего, то только здесь можно владельцу сказать: «Вдай ты мне свой челядин, а ты своего скота ищи (своих денег, — Д. Л.) при видоце». Прямую речь можно встретить и в ряде других статей Русской Правды (см. статьи 35, 38, 52, 85 Пространной Правды).

Не может быть сомнений в том, что сжатый и точный язык и стиль Русской Правды, умение определить жизненную

ситуацию, умение конкретно представить себе эту ситуацию в лицах, выделить ее в жизни как наиболее частую, повторяющуюся, оказали серьезное воздействие на развитие литературы. Где бы ни была создана Русская Правда, в Новгороде или в Киеве, — она была распространена повсеместно и повсеместно известна. Знание Русской Правды было очень широким. Знакомство с нею мы можем подозревать даже у волхвов, стоявших во главе восстания смердов в Белозерском крае, описанного в «Повести временных лет» под 1071 г. Волхвы эти настаивали на том, что они подсудны только лично князю, имея, очевидно, в виду статью 33 Краткой Правды, согласно которой запрещалось «умучить» смерда «без княжа слова».¹

Думается, что большое значение для развития литературы Русской Правды и ее предшественников как памятников высокой языковой культуры и высокой культуры обобщения не может вызывать сомнений.

Стиль изложения начальной части «Повести временных лет» во многом обнаруживает свою близость к документам деловой письменности в целом. «Повесть временных лет» отнюдь не едина по изложению. В ней есть части, написанные в стиле церковных произведений, есть пересказы произведений устного народного творчества, есть отражения реально произнесенных речей, но есть и куски, в которых явственно чувствуется зависимость от выработанного и точного способа изложения, принятого в грамотах.

Историков русской литературы неоднократно восхищало сжатое и точное описание географических пространств, занимаемых Русью. «Поляном же жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в не же втечеть Днепр река. Днепр бо потече из Оковьского леса, и потечеть на польдне, а Двина ис того же леса потечет, а идет на полуночь и внидеть в море Варяжьское. Ис того же леса потече Волга на въсток, и вътечеть семьюдесять жерел в море Хвалисьское. Тем же и из Руси можетъ ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на въсток доити в жреций Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское...».² Такого рода описания не

¹ Повесть временных лет, ч. II, стр. 404.

² Там же, ч. I, стр. 11—12, вводная часть.

единичны в русских грамотах. Они входят в обычное содержание грамот данных, духовных, договорных и др. Вот, например, определение земель, данных Антонием Римлянином Антониевому монастырю в Новгороде (данная грамота, не позднее 1147 г.): «А обвод той земли от реке от Волхова Виткою ручьем вверх, да на Лющик, да Лющиком ко кресту, а от креста на коровей прогон, а коровем прогоном на олху, а от олхи на еловой куст, от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым внис, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов. А той земле и межа».¹

См. также в грамоте Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи: «Се аз князь великий Всеволод дал есмь святому Георгию Терпужьский погост Ляховичи с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати, а по Ловати на низ по конец Водоса за рекою за Любитиною по большии мъхи, с больших мхов на върх межника, с того межника на Каменичища на усть Березна, со обе стороны межника ввърх Березна, по обе стороны ввърх Березна на върх Глистьны по чистый мох, от Морея с въерх Глистьне на върх Робы Ильмы, с върх Робы на върх Лебединьца, с върх Лебединьца на върх Възвада, с верх Възвада на върх Городьни, на низ по одной стороне до Робы...».²

Мы не приводим описаний местностей в сохранившихся грамотах XII и позднейших веков. Для нас не важны отдельные параллели. Важно только отметить, что наглядное, точное и последовательное описание географических пространств, занятых Русскою землею, создалось на основании опыта деловых документов.

Это не единственный случай, где «Повесть временных лет» обнаруживает свою зависимость от точного изложения, издавна выработанного в грамотах. Эта зависимость чувствуется и в хронологической таблице, помещенной под 852 г., и в перечислениях племен, которыми обладал Олег (под 885 г.) или которых он взял с собой в поход (под 907 г.), в перечислении племен, взятых в поход Игорем (под 944 г.), в описании даней, оброков, ловищ и погостов, установленных Ольгой (под 947 г.), и т. д. Точное фиксирование участков того или иного действия, предметов, имущества — движимого и недвижимого, географических пунктов — составляет характерную черту актовой письменности, резко отличную от абстрагирующего стиля церковной письменности, где имена, конкретные названия должностей,

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949, стр. 159.

² Там же, стр. 139—140.

местностей часто заменяются абстрактными определениями: «муж некий», «некто от властителей града того», «в некоем граде» и т. п. Летописец в значительной степени воспринимал свое произведение как документ, как документальную фиксацию старины. Особенно отчетливо это ощущается в новгородских летописях, стиль которых выработался независимо от «Повести временных лет» и приближается к стилю деловой прозы Новгорода.

Духовная Ярослава Мудрого, помещенная в «Повести временных лет» под 1054 г. — годом смерти Ярослава, свидетельствует об устойчивости самой формы и отчасти содержания княжеских духовных. Была ли духовная Ярослава Мудрого составлена им самим (а это сомнительно) или летописцем в последней четверти XI в. по общему стилю устных заветов Ярослава (что более вероятно), — в данном случае особого значения не имеет. Она начинается так же, как начинались и впоследствии многие и многие духовные русских князей: с объявления о том, кто пишет грамоту и при каких обстоятельствах: «Се аз отхожу света сего, сынове мои...» (ср. в начале духовной Ивана Даниловича Калиты: «Се яз грешный, худой раб божий Иван...»; ср. в духовной Семена Ивановича: «Се аз, худой грешный раб божий Созонт...» и т. д.). Видно, что форма духовных грамот уже сложилась ко времени Ярослава, а впоследствии только была значительно ощерковлена.

Традиционно до крайней степени и содержание духовных: не только раздел владений и имущества между наследниками, но и политические заветы. Призыв жить между собой в дружбе встречаем мы в равной степени как в духовных грамотах XI—XIII вв., так и в духовных грамотах XIV в.

В этом отношении Поучение Мономаха только развивает ту сторону духовных, которая в той или иной степени сказалась еще перед тем в так называемой духовной Ярослава, а затем будет поддерживаться в духовных великих князей московских.

«Поучение» Мономаха начинается так, как обычно было начинать духовные грамоты: «Аз худый, дедом своим Ярославом, благословленным, славным, наречный в крещении Василий, русьским именем Володимир...».¹ Ср. духовную Антона Римлянина (не позднее 1147 г.): «Се яз Антоний, хужши во мниех...»² или духовную Климента (не позднее 1270 г.): «Се аз раб божий Климент...».³ Наконец, можно вспомнить о включенной в ту же «Повесть временных лет», куда было

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 153, под 1096 г.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 160.

³ Там же, стр. 162.

вставлено и «Поучение» Мономаха, — подложной духовной Ярослава Мудрого. Она начинается также с объявления о самом себе — «се аз», но имя Ярослава пропущено. Зато в дальнейшем она близко напоминает «Поучение» Мономаха: «Се аз отхожю света сего (ср. в «Поучении» Мономаха: «Аз худый... седя на санях»...), сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, бог будетъ в вас, и покорить вы противныя подъ вѣ. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распрах и которающыся, то погибнете сами, и погубите землю отцовъ своихъ и дедъ своихъ, юже налезоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно послушающе брат брат».¹ Ср. в «Поучении»: «Не грешите ни одну же ночь... А того не забывайте, не ленитесь... Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человека... Аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны»² и т. д.

Близко напоминает документ и летопись личных походов и дел Мономаха, включенная им в его «Поучение». Летопись эта начинается так: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы с 13 лет...».³ Ср. грамоту данную Антония Римлянина Антониеву монастырю (не позднее 1147 г.): «Се труд, госпоже моя пречистая богородица, имъ же трудихся на месте семъ».⁴ Дальнейшее в грамоте Антония и в «Поучении» Мономаха представляет собой типичное для деловых документов перечисление. В духовной того же Антония имеются и дальнейшие соответствия летописи Мономаха: «И наша по чужой земле ни вдвое ни воедино, ни себе покоя не дах, и братьи и сиротам и зде крестьянам досажая. Да то все управит мати божия, что есмь беды принял о месте сем».⁵ Ср. в «Поучении»: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме не дая собе упокоя».⁶

Дело не в тех случайных или не случайных совпадениях, которые могут быть замечены между «Поучением» и грамотами. Дело в том, что «Поучение» Владимира Мономаха — произведение несомненно громадной художественной силы — близко стоит по самой манере изложения, по отдельным попадающимся в нем

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 108, под 1054 г.

² Там же, стр. 157, под 1096 г.

³ Там же, стр. 158, под 1096 г.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 159.

⁵ Там же, стр. 160.

⁶ Повесть временных лет, ч. I, стр. 163, под 1096 г.

формулам, по отношению к самой своей задаче, по своей целенаправленности к деловым документам. Составляя свое «Поучение» и внося в него живое дыхание собственной мысли, собственных чувств, собственного опыта, Владимир Мономах ощущал его, тем не менее, как произведение деловое, как «грамотицу».

Вопросу о том, что именно восприняла литература из деловой письменности, должно быть посвящено особое исследование. Детали нам сейчас не важны. Важно лишь то, что среди местных, самобытно русских истоков русской литературы, наряду с устным народным творчеством, мы не должны забывать и о богатом опыте деловой письменности, несомненно уже широко представленной разными видами документов в XI в.

Деловая письменность существовала раньше, чем появилась литература: в этом не может быть сомнений, хотя отдельные виды документов в подлинном виде и не дошли до нас от X—XI вв. Эта деловая письменность отнюдь не должна смешиваться с художественной литературой. Однако литература еще долго будет сохранять свою связь с деловой письменностью. Умение кратко и сжато выразить сложную мысль сыграло большую роль в становлении литературы; не меньшее значение имело искусство в составлении юридических обобщений (в Русской Правде, в договорах с греками), подготовившее развитие обобщений художественных. Особенно велико было значение деловой письменности в развитии литературы исторической: в летописи киевской, в летописи новгородской (здесь сильна связь с деловой прозой Русской Правды) и в светской литературе в целом.

